

ЕВРОПЕЙСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Александр Балаян

Роль интеллектуалов
в процессе модернизации
Франции, Японии
и Польши

Препринт М-07/09

**Центр исследований
модернизации**

Санкт-Петербург
2009

УДК 323.396
ББК 66.041.1
Б 20

Балаян А.А.

Б 20 Роль интеллектуалов в процессе модернизации Франции, Японии и Польши / Александр Балаян : Препринт М-07/09. — СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009. — 30 с. — (Серия препринтов; М-07/09; Центр исследований модернизации).

Отношения власти и общества всегда являлись достаточно сложным процессом, который приводил к нежелательным последствиям — кризисам, революциям, нестабильности развития, когда активируются специфические социальные группы, которые играют одну из решающих ролей в переходные периоды развития общества. Данная работа посвящена той роли, которую сыграла социальная прослойка интеллектуалов в процессе экономических и политических изменений в трех странах: Франции, Японии и Польши. Эти страны представляют собой модельные регионы, где проявились специфические формы интеракции общества, интеллектуалов и власти.

Информация об авторе: Александр Александрович Балаян — аспирант РГПУ им. А.И. Герцена, стипендиат Центра исследований модернизации (ЕУСПБ).

Понятие «интеллектуал» впервые начинает широко использоваться в конце XIX века во Франции. Интеллектуалы, как отмечают С. Липсет и Р. Добсон, — это прежде всего критически и радикально мыслящие литераторы, протестующие против условий действительности.¹ Позже этот концепт уходит от своей политической коннотации и закрепляется за категорией профессионалов, вовлеченных в производство и распространение знаний, идей. Прежде чем мы приступим к анализу, нужно определиться с понятийным аппаратом нашего исследования, а именно с определением понятия «интеллектуал». Данный термин по различным причинам является центральным во многих работах, тем не менее трактовка его весьма расплывчата.² С нашей точки зрения, можно выделить два определения этого понятия — узкое и широкое, которые дополняют друг друга? Вначале появилась узкая трактовка, и это было вполне оправдано, поскольку в период позднего средневековья людей, подпадающих под это определение, было очень мало. Позже, когда данная проблема получила философское обоснование, понятие «интеллектуал» стало тесно увязываться с понятием «автор».³ Автор, в понимании философии постструктурализма, — это человек производящий некий новый продукт, которого до него не было. Это может быть текст, картина, музыкальное произведение и т. д. В рамках данной

¹ *Lipset S., Dobson R.B. The intellectual as critic and rebel // Daedalus. 1972. Vol. 101. P. 137–198.*

² Ряд исследователей не видят различий между понятиями интеллектуал и интеллигенция, что, на наш взгляд, безусловно, является ошибочным.

³ Концепция автора разрабатывалась в рамках постструктуралистской философии Мишелем Фуко и Жилем Делёзом. При разработке данной концепции они активно опирались на античную философию (в частности, на Платона и Аристотеля).

концепции выделяют авторов двух типов: автономного автора, погруженно-го в определенную дискурсивную традицию, который просто производит «продукт», и автора, находящегося в так называемой трансдискурсионной позиции, т. е. он не только является создателем своих текстов, но и инспирирует возникновение текстов других авторов. Мишель Фуко, например, называет такой тип автора «учредитель» или «установитель».⁴ Таким образом, свойства автора и определяют подлинного интеллектуала. Такие интеллектуалы — это фигуры, консолидирующие общество, право которых на роль медиатора не обсуждается.

Но узкая трактовка слишком требовательна к определению фигуры интеллектуала, и если использовать только ее, то мы увидим, что количество интеллектуалов-авторов крайне мало (в особенности это относится к посттоталитарным странам), а часть из них и вовсе либо были социально пассивны, либо напрямую сотрудничали с автократическими и националистическими государственными режимами.⁵ Поэтому, сужая определение интеллектуала, мы сознательно вычеркиваем целый пласт людей, которые не всегда являются авторами в постструктуралистском понимании.

Однако в ряде случаев интеллектуалы-авторы либо отсутствуют в стране, либо их слишком мало, чтобы можно было говорить об их серьезном влиянии на систему. Поэтому можно рассмотреть более широкую категорию интеллектуалов. Это профессора вузов, ученые, элита журналистики, выдающиеся деятели культуры и искусства, чья репутация не вызывает сомнений, — те, кто способен говорить с властью на равных, кто создает и распространяет жизненную философию и политическую идеологию. Это те, кого З. Бауман называет «интерпретаторами», — те, кто делает доступными идеи одного сообщества для восприятия другим сообществом. Интеллектуал не столько априори оппозиционен, сколько настроен на диалог с обществом и государством. Его сознание может быть наполнено скепсисом, но останется неослабно и постоянно связанным с рациональным исследованием и моральными суждениями — он будет говорить правду власти.⁶ Таким образом, в нашем исследовании мы будем применять оба подхода к определению интеллектуала.

Говоря о политической элите, исследователи допускают, на наш взгляд, серьезную ошибку, рассматривая ее как бы в вакууме, без привязки к другим институтам и структурам политической системы. Таким институтом

⁴ См.: Фуко М. Интеллектуалы и власть. М., 2002.

⁵ Самый яркий пример здесь — это выдающиеся немецкие философы Мартин Хайдеггер и Эрнст Юнгер, которые открыто поддержали нацистов.

⁶ Bauman Z. Legislators and Interpreters: On Modernity, Post-Modernity and Intellectuals. Cambridge: Polity Press, 1987.

выступает так называемая общественная элита. Модернизационные преобразования являются главным камнем преткновения между представителями двух элит — политической и общественной, представителей последней, как правило, называют интеллектуалами. Взгляды обеих элит на социально-экономическое развитие редко совпадают, поэтому от результата этого противостояния во многом зависит вектор дальнейшего развития той или иной страны.

В нашем исследовании рассматриваются три страны: Франция, Япония и Польша. Роль интеллектуальной элиты в процессе модернизации в этих странах неодинакова и имеет как сходные черты, так и множество различий. Можно назвать процессы, происходившие в этих странах, модельными для трех регионов: Западная Европа, Юго-Восточная Азия и Восточная Европа.

Роль интеллектуалов во Франции

Активную роль в процессах модернизации в Западной Европе интеллектуалы начали играть в начале XX века. И роль эта первоначально была неоднозначна. Впервые во Франции определение «интеллектуал» было применено в 1898 году после публикации знаменитого «Манифеста Интеллектуалов». Как известно, это был протест против дела Дрейфуса, который подписали 1500 человек (ученые, журналисты, писатели).⁷ Именно в связи с этим делом произошел один из первых расколов интеллектуальной элиты страны преимущественно социалистов — защитников Дрейфуса и националистов-консерваторов и клерикалов, поддерживавших обвинения. Этот раскол имел глубокие последствия в стране, которые проявились впоследствии уже в других формах. В данном случае победу, как известно, одержали социалисты и либералы — сторонники Дрейфуса. Но триумф их был недолог. Уже в конце 1920-х годов во Франции большую поддержку в обществе получили правые интеллектуалы, которые обвиняли сторонников Дрейфуса в предательстве своих же идеалов после прихода к власти. Все эти обвинения станут классической тематикой «Аксьон франсез» — движения, которое начинает развиваться в 1900-х годах. С точки зрения его участников, внутренне извращены не только интеллектуалы — извращением является сама Республика: будучи слабой и неустойчивой системой, она предоставляет интеллектуалам полную свободу действий. Только контрреволюция позволит надолго очистить власть от интеллектуалов. Следует не только возвестить о смерти интеллектуалов: в случае необходимости их

⁷ В этот же период эффект разорвавшейся бомбы произвело письмо Эмиля Золя президенту страны Ф. Фроу под названием «Я обвиняю». В письме Золя обвинял руководство Франции в сокрытии доказательств невиновности Дрейфуса.

следует прямо убивать — социально и даже физически. И первой жертвой этой кампании стал Жорес.⁸

Можно сказать, что интеллектуалы в 1920–30-х годах выступили своеобразным блокиратором социально-государственного взаимодействия, что привело к негативным последствиям в дальнейшем. Так, вышедшие на передний план правые интеллектуалы Франции 20–30-х годов всерьез преклонялись перед зарождающейся нацистской Германией и считали, что Франции тоже нужно искать и строить новый тип государства. Еще одним негативным явлением, возникшим одновременно во многих европейских странах, и прежде всего во Франции, стал имморализм, который был порождением интеллектуалов и в тот момент всячески поощрялся ими. Но и в обществе он находил достаточно широкую поддержку. Как следствие — уже в 30-х годах XX века Париж стал одним из самых социально разлагавшихся городов Европы.⁹

Чтобы понять, почему процесс этот был наиболее интенсивным именно во Франции, нужно проследить, из какой среды чаще всего появлялись здесь интеллектуалы. Обычно это были философы и писатели, весьма негативно настроенные к власти и, как правило, придерживающиеся весьма радикальных взглядов. Именно идея поиска нового состояния в структуре общество–власть стала одной из главенствующих идей в тогдашней психологии правых интеллектуалов. Поэтому любые попытки государства в перерыве между войнами провести хоть какие-то изменения наталкивались на непереносимое противодействие со стороны общества.¹⁰ Интеллектуалы, таким образом, перестали выполнять свою основную роль — медиатора между обществом и властью. Лишившись данного сегмента, французская капиталистическая система не могла должным образом реагировать на внешние и внутренние вызовы времени. Это привело к сокрушительному поражению в противостоянии с Германией, что явилось прямым следствием отсутствия модернизации вооруженных сил республики. Французские военные мыслили категориями Первой мировой войны, где главную роль играли долгие

⁸ L'Action française («Французское действие») — праворадикальное движение, именуемое так по названию своего печатного органа — ежедневной газеты (1908–1944). Основой движения «Аксьон франсез» стал созданный во время дела Дрейфуса «Комитет французского действия», преобразованный позже в «Лигу французского действия». Главным вдохновителем движения стал с начала 1900-х годов писатель-монархист Шарль Моррас (1868–1952).

⁹ В частности, это прекрасно отражено в художественных произведениях американского писателя Генри Миллера. В своих романах он показывает всю нравственную распущенность французского общества 1930-х годов.

¹⁰ Справедливости ради скажем, что таких попыток со стороны государства было крайне мало.

позиционные бои. Именно поэтому хорошо укрепленная «линия Мажино» не смогла противостоять прорыву мобильных, прекрасно обученных частей Вермахта. Это была победа тоталитарного государства с мощной модернизированной экономикой и национальной идеологией над демократической, раздираемой внутренними противоречиями Францией. И победа была не только экономической, но и идеологической, поскольку большая часть французского общества отнеслась к приходу нацистов лояльно. Зафиксированы даже случаи выдачи нацистам членов французского Сопротивления. Сведение счетов придет к своему логическому пределу, когда правительство Виши объявит охоту на сторонников Народного фронта. Можно вспомнить судьбу Поля Ланжевена, посаженного под домашний арест, Виктора Баша, убитого вишистской милицией, в целом судьбу всех подвергшихся преследованию профессоров еврейского происхождения или левых убеждений. Симметричным ответом на эти преследования станет очищение Франции от правых интеллектуалов, (которые превратились в коллаборационистов в 1940–1944 годах): казнь Роббера Бразильяка, суд над Моррасом, проскрипционный список литераторов, опубликованный Национальным комитетом писателей. Гражданская война между интеллектуалами перестала быть войной чисто словесной и превратилась во взаимное исключение противоположных лагерей из интеллектуального и политического пространства.¹¹

Главная ошибка интеллектуалов в этот период состояла, на наш взгляд, в излишней концентрации внимания на политической модернизации страны вне контекста экономической модернизации. Ведь эти процессы не могут проходить изолированно, по отдельности они невыполнимы и неполноценны.

Интеллектуалы-социалисты, в свою очередь, не смогли противостоять более агрессивным представителям националистического фланга. Кроме того, они слишком увлеклись пространными рассуждениями об иллюзорном новом мире и совершенно не обращали внимания на негативные процессы, которые происходили в обществе и государстве. И по понятным причинам после войны правые интеллектуалы на длительный период постепенно исчезают из социально-политической жизни страны.

Послевоенный период

Ряд исследователей называет послевоенный период развития Франции «золотым веком интеллектуалов». Умами общества в этот период завладели новые герои, самым главным из которых стал выдающийся писатель и философ Жан Поль Сартр. Именно вокруг фигуры Сартра начался процесс

¹¹ Цит. по: Шарль К. Интеллектуалы во Франции: Вторая половина XIX века. М., 2005. С. 45–47.

кристаллизации интеллектуальной элиты страны. В этот же период интеллектуалы попадают под сильное влияние левой идеологии и уже не выйдут из нее вплоть до 70–80-х годов XX века. Однако было бы не совсем правильным утверждение, что все интеллектуалы этого периода относились к Сартру с пietetом. Была целая группа антимилитаристов-анархистов, не принимающих философию и общественную позицию Сартра. (Самым ярким из этой группы можно назвать писателя и музыканта Бориса Виана.¹²) Однако их влияние на социально-политическую жизнь общества было не так заметно.

Можно условно разделить французскую модернизацию на три этапа, которые характеризуются разной степенью активности и влияния интеллектуалов на власть:

Первый этап: реванш социалистов

Для данного этапа характерно сильное влияние социалистических идей на процесс экономической модернизации страны. Крайне популярные в послевоенной Европе левые взгляды дали свои плоды именно во Франции, где после установления Четвертой республики и прихода к власти Шарля де Голля победу в парламенте одержала иная сила — социалистическая партия (СФИО). Как следствие этого, под контроль государства перешли энергетические ресурсы, наиболее крупные банки и фирмы. Поскольку именно на стороне СФИО были симпатии интеллектуальных кругов французского общества, поэтому они первоначально достаточно лояльно восприняли экономические преобразования с социалистическим уклоном. Особенно они выделяли так называемое рекомендательное (индикаторное) планирование, которое стало активно применяться в этот период для стимулирования экономического роста страны. В 1946 году первый экономический советник де Голля Жан Моннэ приступил к реализации Государственного плана модернизации и оснащения Франции. И именно экономический дерижизм¹³ — т. е. вмешательство государства в экономику — был центральным звеном новой экономической политики Франции. Левые интеллектуалы поддерживали такой курс правительства, несмотря на то что их отношение к де Голлю было все еще настороженным. Хотя экономические реформы были фактически социалистическими, их скорость не устраивала интеллектуалов. Начавшуюся модернизацию во Франции критиковал и известный писатель Андре Жид, который также придерживался социалистических взглядов.

¹² Так, в своем известном романе «Пена Дней» Виан, иронизируя над массовой истерией вокруг фигуры Сартра, вводит в сюжет философа Жана Соля Партра и всячески насмехается над ним.

¹³ Включавшего в себя централизм и индикативное планирование.

В январе 1946 года де Голль уходит в отставку, однако продолжает руководить созданной им партией «Объединение Французского Народа» (ОФН). Как известно, дальнейшая борьба де Голля за власть не принесла ожидаемых дивидендов.¹⁴ В 1953 году де Голль распускает ОФН и уходит в отставку. Его уход был положительно встречен во французской интеллектуальной элите, поскольку де Голля считали своеобразным тормозом на пути экономических реформ. В данном случае вновь имело место отождествление всего негативного, что происходило в стране, с конкретной личностью, что, конечно, было заблуждением.

Уже с 1950-х годов мощная волна политических кризисов захлестнула страну. Так, в 1954 году Франция потерпела поражение в Индокитае от национально-освободительных движений, а вскоре произошли волнения в Алжире. Кроме того, в этот период началась девальвация франка, следствием которой стала инфляция. И, несмотря на благоприятную экономическую обстановку, в стране начались забастовки. На это немедленно откликнулись левые интеллектуалы, которые сформулировали для себя новую задачу — помочь другим народам освободиться от гнета империалистических государств. Их опорой уже тогда стало студенчество, поскольку ситуация в Алжире касалась их напрямую.¹⁵ По их мнению, своим участием в колонизации Франция предала идеалы Французской революции. Более радикальные методы борьбы были поддержаны Сартром. Тенденцию радикализации борьбы воплощают те, кто подписал «манифест ста двадцати одного», и те, кого прозвали «носильщики чемоданов».¹⁶

К протестам присоединились и либеральные интеллектуалы, во главу угла ставившие авторитарную политику власти и защиту прав человека в колониях. Разоблачая пытки и другие эксцессы, имеющие место со стороны французского правительства или французской армии, такие университетские профессора, как Пьер Видаль-Наке, Андре Мандуз или Анри-Ирене Марру, утверждали, что они продолжают традицию Золя и прочих дрейфусаров, защищавших поправные права невинного человека.¹⁷

¹⁴ Более того, часть сторонников отвернулись от него.

¹⁵ Толчком к мобилизации студенчества послужила отмена отсрочек от армии.

¹⁶ «Манифест ста двадцати одного» — «Декларация о праве на неповиновение в алжирской войне» (июль 1960; 121 подпись). «Носильщики чемоданов» («les porteurs des valises») — подпольная сеть французских интеллектуалов, поддерживавших алжирский Фронт национального освобождения (ФНО) и перевозивших из Франции в Алжир деньги для финансирования войны, а также предоставлявших убежище членам ФНО.

¹⁷ Шарль К. Интеллектуалы во Франции. С. 8–60.

Таким образом, в этот период можно выделить два основных направления критики процесса модернизации: 1) неэффективное применение политики государственного регулирования, что негативно отражается на жизни простых людей; 2) французский колониализм. Эти тенденции явно препятствовали экономической модернизации Франции.

Второй этап: форсированная модернизация

Став в 1958 году премьер-министром,¹⁸ де Голль добился принятия новой авторитарной Конституции, установившей во Франции режим президентской Пятой республики, ограничивавшей полномочия Парламента. Несмотря на то что на этот раз была избрана более либеральная модель экономической модернизации,¹⁹ де Голль по-прежнему отдавал предпочтение государственному регулированию.

Фактически мы видим здесь отход от чисто экономических реформ и переход к политике совмещения экономической и политической модернизации общества. Это явно выразилось в целях нового этапа модернизации, а именно: устранение сохранившихся монополий в ряде национальных рынков и укрупнение промышленно-финансовых групп, попытка достижения классового согласия в обществе, равномерное экономическое развитие всех регионов страны. Данные меры были неоднозначно восприняты интеллектуальной элитой общества, поскольку, по мнению большинства, они не могли привести к нужному результату и, более того, содействовали бы разложению общества, как это было в 1930-х годах. Изменить подобную участь страны могли более левые экономические реформы и конфигурация общества, сконструированная исходя из идеи социальной справедливости. Поэтому в 1959 году под давлением левых интеллектуалов лидеры СФИО вынуждены были уйти в так называемую конструктивную оппозицию (1959–1962), что предполагало критику некоторых аспектов социальной политики де Голля в рамках лояльности режиму в целом. Наиболее резко руководство СФИО упрекало де Голля за недостаточную, по их мнению, верность «атлантической солидарности». Однако такое положение вещей не устраивало «подогретые» интеллектуалами массы, и уже с 1962 года руководство СФИО заявило о переходе в более последовательную оппозицию, выступив против реформы конституции, направленной на усиление режима личной власти президента и ряда реформ.

Действительно, многие из проведенных модернизационных реформ носили неоднозначный характер. Если демонополизация уже к началу 1960-х годов принесла свои плоды в виде увеличения темпов экономиче-

¹⁸ При активной поддержке лидеров СФИО.

¹⁹ Советником был назначен либеральный экономист Ж. Рюэфф.

ского роста страны, то равномерное развитие регионов страны реализовать не удалось. Самый яркий пример здесь — Корсика, которая и по сей день отстает от континентальной Франции в экономическом и социально-политическом отношении. В то же время высокая степень автономии регионов (в том числе и в экономическом плане) положительно сказалась на их развитии. Французское правительство проводило политику выделения в регионы государственных и стимулирования частных инвестиций, развивало программы изменения дорожной инфраструктуры — от национальных скоростных магистралей до разветвленной сети муниципальных шоссе, создание на периферии полюсов научно-технического роста вокруг так называемых больших проектов и университетских центров (Гренобль, Нант).

Теперь критика интеллектуалов фокусировалась в большей мере на неудачах социально-политической модернизации, поскольку экономически страна развивалась наравне с самыми технологичными державами Запада.²⁰

Третий этап: вторжение реального...

Одной из главных особенностей модернизации Франции конца 1960-х годов являются нарастающие противоречия в обществе: с развитием экономики увеличился разрыв между богатыми и бедными, и одновременно с этим началось формирование среднего класса. Как следствие — наблюдалось стремительное превращение Франции в постиндустриальное общество.

Однако политика государственного регулирования привела к кризису 1967 года и вызвала новую волну забастовок. В этот период в среде интеллектуалов все чаще обсуждается вопрос о революционной активности масс как ответе на трудности в экономических реформах и практически полное отсутствие политических преобразований системы. В частности, Жан Поль Сартр обвинил все левые политические силы страны в альянсе с де Голлем, в ставке на выборы, а не на революционные массы. Поэтому он спорил Гербертом Маркузе, который писал о постепенном поглощении обществом потребления рабочего класса.²¹

Главной опорой протестных кругов вновь студенчество, однако оно уже было структурно другим. Если в 1930–40-х годах высшее образование оставалось в целом элитарным и его могли позволить себе только состоятельные граждане, то в 1950–60-х годах ситуация резко меняется и к 1968 году гуманитарным специальностям обучается уже около 80 тысяч студентов. Интел-

²⁰ Так, результатами инновационной модернизации французской промышленно-сти стали передовые технологические достижения — такие как сверхзвуковой самолет «Конкорд», ракета «Ариан», сверхскоростные поезда и т. д.

²¹ Сартр Ж.П. Свободное сознание и XX. М., 2004. С. 325.

лектуалы же концентрировались именно в университетах или вокруг них и оказывали влияние на молодых людей главным образом через свои труды и публичные лекции. Фактически наступило время для реального перехода политической модернизации общества, и понимание этого пришло снизу. Важнейшую роль в этом сыграли интеллектуалы. Еще в 1960 году появилась работа Сартра «Критика диалектического разума», фактически излагающая его теорию революции. Второй по влиянию на юные умы была книга Ги Дебора «Общество как спектакль», опубликованная в 1967 году. Эти публикации, а также публичные лекции стали тем катализатором, который и привел к «Парижской весне».

События мая 1968 года, по меткому выражению Жюль Делёза, были вторжением реального. «Часто его хотели представить как переход власти к воображаемому,²² но на самом деле это был прорыв реального в его чистом виде».²³ И такое «вторжение» смогло переключить систему на социально-политическую модернизацию. «Мы полностью изменили французское общество — оно стало более свободным, в нем появилась идея борьбы», — отмечал знаменитый «Красный Данни», один из лидеров мая 1968 года, — Даниэль Кон Бенедит. Таким образом, «революция без революционного будущего»²⁴ в части своего влияния на последующую модернизацию страны, несомненно, удалась.

Уход де Голля из власти в 1969 году (а затем и смерть в 1970 году) был как бы логической точкой в массовых протестах, инспирированных интеллектуальной элитой страны. Мощная волна протестов конца 1960-х годов резко схлынула уже с начала 1970-х, когда для многих представителей общественной элиты страны наступил период осмысления прошлого и поиска новых форм взаимодействия с государством. Многие считали «Парижскую весну» неудачей и постепенно разочаровались в такой методике борьбы.

Это был период спада интереса общества к интеллектуалам-авторам, и постепенно многие из них закрылись в своих узкоспециальных средах и уже сознательно не оказывали прямого воздействия на общество и власть. Немногие продолжали занимать активную социальную позицию: Жан Поль Сартр, Жак Лакан, Жиль Делёз до конца жизни остались верны своим убеждениям.

Но была и другая группа интеллектуалов, серьезно пересмотревшая свое отношение к маю 1968 года. Многих настолько потрясла «Парижская весна», что они сочли за благо отказаться от своих вчерашних левых воззре-

²² Здесь Делёз апеллирует к известному лозунгу 1968 года «воображение к власти!». Воображение, по Сартру, — самая характерная и самая важная особенность человеческой реальности.

²³ Делёз Ж. Алфавит. Минск, 2001. С. 17. (Совместно с Клер Парне).

²⁴ Там же С. 17.

ний и так или иначе поддержать власть — например, Жак Аттали или Макс Гало, которые стали политическими советниками Франсуа Миттерана. Другие превратились в так называемых новых философов — А. Глюксман, Б.-А. Леви, М. Клавель, — которые выступили против революционной теории и социализма как такового. Тем самым они сыграли на поле власти, всячески пытавшейся показать 1968 год в негативном свете.

Еще одно течение, которое связывают с 1968 годом, но не напрямую, а косвенным образом, — это радикальные левые: разочаровавшись в мирном политическом протесте, они верили, что лишь вооруженная борьба способна эффективно противостоять диктатуре. В начале 1970-х годов это были разрозненные структуры. Однако в 1979 году возникло террористическое движение «Аксьон Директ» (Action Direct),²⁵ которое просуществовало не так долго — до 1989 года и не имело массовой поддержки.

Таким образом, интеллектуалы Франции сыграли поистине важнейшую роль в модернизации страны, поскольку своими действиями они так или иначе заставляли политические элиты страны своевременно реагировать на вызовы времени и принимать реальные решения.

Роль интеллектуалов в Японии

На переломе

В отличие от Франции процесс институционализации интеллектуалов в Японии был иным. Если в Европе фигура интеллектуала сложилась эволюционным путем, за несколько сотен лет, то в Стране восходящего солнца они появились в момент исторического перелома, вызванного модернизацией традиционного социально-экономического уклада страны.

Становление интеллектуалов произошло в Японии еще в XIX веке, в результате революции Мейдзи. Категория интеллектуалов впервые выделилась достаточно спонтанно как реакция на внутрисистемные преобразования (с их точки зрения, негативного характера). Здесь мы вынуждены оговориться, что корректнее было бы называть эту группу протоинтеллектуалами, поскольку, по европейским понятиям, они пока не соответствовали данному критерию. Японские протоинтеллектуалы разделились на две группы.

Придворные ученые, писатели и так называемые новые самураи,²⁶ в массе своей поддержавшие курс на радикальные реформы. Это были образованные люди, которые приняли изменения, произошедшие в системе.

²⁵ Они активно налаживали связи с «Красными Бригадами» и РАФ.

²⁶ Ввиду технического превосходства иностранцев они перешли на сторону реформаторов.

Самурайское сословие — люди высокого происхождения, которые по тем или иным причинам восприняли экономическую и политическую модернизацию Японии как личную трагедию и начали бороться против данного явления.

Как показала практика — именно вторая группа интеллектуальной элиты осталась в активной фазе взаимодействия с обществом и властью в процессе модернизации. Именно переход на путь капиталистического хозяйства при активной поддержке западных гражданских и военных специалистов привел Японию к серьезным успехам в так называемой вестернизации — практически полном копировании западных схем социально-политического и экономического развития.

Разумеется, в подобной системе лишними оказались представители именно самурайского сословия. С одной стороны, это была архаическая структура, не стыкующаяся с «новой Японией» и не способная мимикрировать и встроиться в капиталистический уклад. С другой стороны, оно являлось высшей кастой феодального общества, которая в случае сохранения могла бы угрожать процессу вестернизации страны.

Как известно, в результате гражданской войны сословие самураев было лишено привилегий и практически уничтожено. Однако те, кто остался, как раз и начали процесс формирования среды интеллектуалов как своеобразного противовеса власти. Одной из любопытных фигур протоинтеллектуалов этого периода является Сайго Тагамори из самурайского клана Сацума. Он, как и многие другие, увидев всю мощь западного флота, посчитал за благо поддержать императора. Он даже вошел в состав нового правительства в 1868 году и некоторое время возглавлял вооруженные силы страны. Однако он был ярким противником какой бы то ни было модернизации Японии и, более того, — торговли с Западом.²⁷ В конце концов он покинул правительство и возглавил свой клан для борьбы со сторонниками модернизации. Нужно подчеркнуть, что представители клана оставались преданными императору, но выступали именно против нового курса. Важную роль в этом сыграла и личность самого императора Мэйдзи, «подлинного традиционалиста и достойного лидера нации и государства, а не марионетки».²⁸ Позже Тагамори погиб в одной из стычек своего клана с модернизированной японской армией. Феномен Тагамори не единственный, таких людей было достаточно много. Особое недовольство у традиционалистов вызывали аграрная и

²⁷ Так, знаменитый лозунг протоинтеллектуалов — *дзэи*, или «изгнание варваров», как нельзя более точно отражал настроения, которые преобладали в это время среди традиционалистов.

²⁸ *Молодяков В.Я.* Консервативная революция в Японии: идеология и политика. М.: Восточная литература, 1999. С. 6–7.

административная реформы. Именно их они считали наиболее пагубными в процессе вестернизации. Аграрная реформа вызывала их естественный протест, поскольку многие земли самураев были изъяты и перешли в частную собственность к сторонникам императора, ростовщикам, реже — к зажиточным крестьянам. Земля стала свободно продаваться и покупаться. Все ограничения в сельском хозяйстве были сняты. Этот процесс, по их мнению, вел к нарушению естественно сложившейся структуры социальной иерархии. Административная реформа вызывала протест, поскольку нарушала политическую структуру страны. Конфискация части земель, лишение власти князей и деление страны на княжества, по их мнению, представляли собой неправильный вектор развития преобразований в стране.

Другой позиции придерживались интеллектуалы-лоялисты, которые верили лишь в консервативную революцию в сочетании с вестернизацией. По их мнению, духовное состояние режима сёгуна и сплотившейся вокруг него элиты было полностью безнадежным и не поддающимся «лечению» путем реформ сверху, т. е. без радикальной смены элит.²⁹ Они понимали неизбежность столкновения с «большим» миром и в качестве единственного выхода видели сочетание революционных преобразований с возвращением традиций, усилением императорской власти.

Таким образом, можно констатировать, что протоинтеллектуалы — как лоялисты, так и традиционалисты — сыграли на первоначальном этапе модернизации страны существенную роль. И хотя традиционалистов называли «последними самураями», именно самурайская традиция сыграла важнейшую роль в формировании образа японского интеллектуала. Таковую же, как для лоялиста сыграла западная культура.

Крах либеральной парадигмы

Однако в дальнейшем японская вестернизация пошла по несколько иному пути, постепенно превратившись в милитаризацию. И война Японии с Китаем (1894–1895) стала этому ярким подтверждением. Эта война была прямым следствием «реставрации Мейдзи». Японские элиты, получившие армию нового образца, захотели использовать ее по прямому назначению. Добившись успеха на этом направлении, Япония уже через несколько лет продолжила свою политику — совместно с европейскими странами приняла участие в подавлении «восстания боксеров». Апогеем военной активности стала русско-японская война (1904–1905), еще раз показавшая превосходство японской военной машины. Японские интеллектуалы-лоялисты

²⁹ Там же. С. 7.

поддерживали милитаристские устремления правительства и исходили из лозунга «богатая страна – сильная армия». Именно эта нехитрая формула сыграла ключевую роль в становлении Японского национализма в дальнейшем. Что касается традиционалистского крыла общественной элиты — в этот период его социальная активность была крайне низка, и на то есть несколько причин. Во-первых, это тяжелейший психологический надлом, пережитый им после своего поражения. Многим из бывших самураев и сёгунов высшего сословия пришлось заниматься неподобающим трудом. Во-вторых, все призывы к обществу сопротивляться вестернизации были попросту отринуты. Общество ясно показало, что не нуждается в данной категории социальной элиты. Поэтому она оставалась в тени, закрывшись в своих профессиональных кругах.³⁰

Период после Первой мировой войны, известный как «демократия «Тайсё», характеризовался внешнеполитической разрядкой. Так, Япония становится постоянным членом Совета Лиги Наций. Однако демократией этот период можно назвать лишь условно, ведь император Тайсё был болен, а власть была в руках его окружения — так называемых гэнро,³¹ настроенных не всегда демократически.³² Как и во Франции, в Японии в этот период шла борьба между двумя сформировавшимися группами интеллектуальной элиты — либералами и появившимися националистами. Либералы вышли из лоялистов времен Мейдзи, националисты же представляли собой симбиоз части традиционалистов³³ и ультраправых шовинистических сил, которые появились внутри японского общества. Большая же часть традиционалистов по-прежнему оставалась в тени, практически не участвуя в социально-политической жизни страны. Основная причина возвышения националистической группировки в среде интеллектуалов — тяжелейшая экономическая ситуация в Японии этого периода. Либералы в правительстве не могли существенно повлиять на ситуацию, что привело к массовому убеждению общества в ошибочности пути вестернизации и демократизации. Одним из интеллектуалов-националистов был японский философ и публицист Сюмей Окава, создавший со своими соратниками — философами Табатаке Мотоюки и Кита Ики — так называемое Общество старых борцов

³⁰ В основном они ушли либо в науку, либо в литературу, хотя были и те, кто пошел служить в армию императора.

³¹ Совет старейших государственных деятелей при императоре, образованный в 1892 году, давал рекомендации императору.

³² Политические институты, существовавшие в этот период в Японии, можно назвать фасадными. Так, по мнению бывшего премьер-министра Японии Киммоти Сайондзи, страна в это время была не готова к демократии.

³³ Придерживавшихся радикальных взглядов.

(Росокай), где проходили дискуссии между националистически настроенными интеллектуалами. Все они так или иначе выступали против «белого» владычества в Азии и за военное доминирование Японии в этом регионе. И хотя в среде националистов были и другие группировки, победили именно шовинисты. Таким образом, неудача экономического развития Японии и крах попыток модернизации страны привели к власти самые радикальные силы. И поддержка интеллектуалов играла здесь немаловажную роль. Подобно тому, как это произошло во Франции, в Японии также либеральное крыло интеллектуалов, придя к власти, утратило доверие общества, чем воспользовались националисты.

Шовинистический, милитаристский режим, как правило, является следствием длительного периода авторитарной модернизации и консолидации внутри общества. Консолидация внутри Японии к началу войны была высока, однако модернизация экономики Японии была недостаточна для ведения длительной войны.³⁴ Фактически, правые интеллектуалы дали карт-бланш государству на любые экономические преобразования, ведущие к дальнейшей милитаризации. Одной из главных особенностей японской довоенной модернизации является создание дзайбу — японских корпораций, начавших работать на нужды ВПК. С каждым годом войны ресурсы Японии невосполнимо таяли, поэтому поражение во Второй мировой войне во многом было логичным и чисто экономическим процессом.

Послевоенная модернизация

Говоря о модернизации в послевоенной Японии, нужно обратить внимание на термин «построение нации» (Nation Building), который вполне применим в данном случае. Этот термин часто используется в сочетании с терминами «построение государства», «демократизация», «модернизация», «политическое развитие», «реконструкция постконфликта» и «миротворчество». Эти понятия скрепляются феноменом построения нации, который активно начинает исследоваться в послевоенной Америке. Так, Алмонд и Колман приводили доводы в пользу функционального подхода, чтобы понять и сравнить политические системы развивающихся стран,³⁵ — в пользу взаимозависимости и мультифункциональных возможностей политических структур по всему миру. В дальнейшем данная концепция претерпела ряд изменений. Например, исследование «RAND» 2003 года **определяет постро-**

³⁴ В частности, серьезная нехватка нефти, железа и других материалов, необходимых для ВПК Японии.

³⁵ *Almond G.A., Coleman J.S. (eds). The Politics of the Developing Areas. Princeton: Princeton University Press, 1960.*

ение нации уже как «использование вооруженной силы после конфликта, чтобы подкрепить устойчивый переход к демократии».³⁶

Реформы и интеллектуалы

Япония была полностью дезориентирована, причем это выразалось не столько в экономическом упадке страны,³⁷ сколько в социальной апатии общества. Ценности общества, базировавшиеся на вере в могущество императора,³⁸ и убежденность в духовном превосходстве над Западом³⁹ были подорваны. После объявления руководителей страны военными преступниками очередь дошла до близких им интеллектуалов. Лидер националистов Сюмей Окава на суде был приговорен к принудительному лечению, остальные также подверглись различным мерам наказания. Это был крах японских радикальных националистов, и впоследствии они уже не оказывали серьезного влияния на японское общество.

Модернизацию Японии можно условно разделить на два сегмента, важных для дальнейшего развития страны: социокультурную, или ментальную, модернизацию и экономическую модернизацию. В контексте Японии на начальном этапе главной была именно ментальная модернизация общества, поскольку без нее нельзя было рассчитывать на полный успех проводимых преобразований. В данном случае можно согласиться с исследователем Даниэлем Лернером, который отмечал, что в некоторых системах модернизация — это прежде всего ментальный сдвиг, достижение особого состояния рассудка, для которого характерны вера в прогресс, склонность к экономическому росту, готовность адаптироваться к изменениям. Наибольшее внимание Лернер уделял росту мобильности населения, распространению грамотности и средств массовой информации.⁴⁰ Именно такой ментальный сдвиг произошел в сознании японского общества в 1950–60-е годы. На наш взгляд, этот процесс в Японии можно назвать ментальной модернизацией.⁴¹

³⁶ *Dobbins J.* Nation-Building: the Inescapable Responsibility of the World's Only Superpower // RAND, Review. Summer, 2003.

³⁷ За время войны население привыкло к экономическому коллапсу.

³⁸ 1 января 1946 года в своем радиообращении император назвал ошибочной концепцию о своем «божественном происхождении».

³⁹ Одной из глубинных установок Японского общества 1930-х годов было превосходство духа над техникой. Этим во многом объясняется столь массовая вера в успех военной кампании против США.

⁴⁰ *Lerner D.* The Passing of Traditional Society: Modernizing the Middle East. New York; London, 1965. P. VIII.

⁴¹ Длительный период (20–50 лет) изменений портрета нации через мощное

Как реакция на модернизационные преобразования в Японии появляются три группы интеллектуалов, которые оказали серьезное влияние на дальнейшую эволюцию социально-экономической системы страны: либералы-гуманисты, левые и традиционалисты. Такое деление напоминает французское 1898 года — времен дела Дрейфуса. Правда, японские интеллектуалы были слишком однородны и представляли собой главным образом писателей. Именно они стали той социальной силой, которая приняла на себя нелегкую роль медиатора в критический период японской истории.

Американское военное командование не скрывало, что не только для страны, но и для всего мира окончательное исчезновение японского милитаризма, боевого духа японцев. А поскольку их боевой дух восходит к древней культуре Японии, серьезному пересмотру было подвергнуто и отношение к этой области. В частности, на длительный период были закрыты японские театры Кабуки и Но — как пропагандирующие милитаризм. Это вызвало резкую реакцию всех трех категорий интеллектуалов. Началось сознательное вычищение всего японского из страны. Замещалось же все мощным культурным иноземным воздействием, что выражалось в утверждении в Японии западных (прежде всего, американских) стандартов жизни общества: открытии западных магазинов, распространении западных игр, моды, музыки и многого другого. Все это дало свои плоды и уже к 1950-м годам воспринималось как естественное положение вещей. Именно здесь модернизация продвинулась дальше всего.

Либералы предполагали, что в том или ином виде вернется «демократия «Тайсё»», и ждали возрождения гэнро — именно в этом они видели стабильность Японии. Столь же резкий удар по культуре страны вызвал у них недоумение, и поэтому многие из них отошли на второй план. Символом так называемых либералов-гуманистов можно назвать выдающегося писателя Оэ Кендзабуро — главным лейтмотивом его творчества были пацифизм и критика ряда аспектов капиталистической Японии. Правда, необходимо отметить, что он не отрицал той пользы, которую приносила экономическая модернизация страны. Напротив, многие экономические преобразования того времени — такие как реформа трудовых отношений и форм собственности на землю (1947–1949), демилитаризация экономики⁴² и бюджетная реформа — им

культурологическое, массмедийное и психологическое воздействие как общественных институтов, так и государства. Одним из условий протекания этого периода является внутренняя зрелость общества и государственной системы. Ментальная модернизация может быть проведена успешно лишь при демократическом политическом режиме.

⁴² Закон о ликвидации дзайбацу 1945 года, положивший конец государственно-монополистическому капитализму и государственному регулированию экономики, вызвал восторг в среде интеллектуалов-либералов.

поддерживались. Экономическая система страны стала все больше походить на западную, что, по мнению Кендзаборо, было весьма позитивно.

Особое значение в ментальной модернизации страны играла демократизация. Были сохранены парламент и кабинет министров,⁴³ что вызвало благодушную реакцию в обществе — тем более что появилась свобода слова. Это поощрялось либералами, но не принималось левыми. К левому крылу японских интеллектуалов, несомненно, можно отнести Абэ Кобо, отстаивавшего левый путь развития страны (некоторое время он был членом Коммунистической партии Японии). Разумеется, Кобо выступал именно за советский путь развития Японии и полностью отвергал модернизацию западного образца. Особый протест вызывало у него вмешательство в культуру Японии, а также демонополизация экономики (1947–1949). Критиковал он и войну в Корее — как империалистическую (1950–1953), хотя, как известно, она во многом помогла развитию японской промышленности.⁴⁴

Возвращение традиционалистов: путь Самурая

Так или иначе, но западные ценности не вызывали отторжения у японского общества. Успех ментальной модернизации позволил претворить в жизнь западные экономические реформы. Как следствие — бурное экономическое развитие Японии позволило ей уже в начале 1960-х годов выйти на второе место в мире по объему ВВП.

Именно в этот период о себе заявляют традиционалисты, среди которых можно выделить два имени: это выдающийся японский писатель Ясунари Кавабата и его ученик Юкио Мисима. Эти два имени как бы символизируют два пути японских традиционалистов того времени. Ясунари Кавабата стал известным писателем-традиционалистом еще до войны, и реакция его на новые реформы Японии была вполне очевидной. Свои взгляды он выразил он в книгах «Закат», «Имя Отца», «Дорога Токайдо», в которых воспел традиционную Японию и ее культуру. Он резко выступал против превращения страны в капиталистическую, поскольку это, по его мнению, могло привести к утрате истинных ценностей простых японцев. Кавабата ограничивался написанием книг и публичными выступлениями, чего нельзя сказать о Юкио Мисиме.

Мисима, как и многие интеллектуалы того времени, воспринял как личную трагедию реформы оккупационной администрации. Главное его недовольство вызвало то негативное влияние, которое оказывали реформы

⁴³ В отличие от послевоенной Германии.

⁴⁴ Как известно, японская экономика в этот период выполняла различные заказы для армии США.

на японское общество. Он решил возродить национальную традицию Японии — ее дух, уничтожаемый, по его мнению, американцами. Будучи по своим взглядам монархистом, Мисима серьезно переживал по поводу ограничения власти императора. Он негативно относился к смирению общества перед утратой идентичности. В своих речах писатель отмечал, что Япония ценна своей древней культурой и обычаями, а демократия и экономические преобразования извне все это разрушают. В этот период выходит одна из его самых пронзительных книг — «Исповедь Маски»,⁴⁵ где в каждой строчке сквозит горечь послевоенных лет и сожаление об утрате японцами своих традиций.

Возвращение к самурайской традиции было для него особенно важно. Словно подавая сигналы обществу, он написал предисловие и комментарий к кодексу самураев «Бусидо». Но апелляция к обществу практически не дала результатов. Мисима был очень известен как писатель, но его идеи обществом не принимались. Дело в том, что реформы лишь определялись оккупационными властями, проводила же их японская власть. Поэтому у общества не возникало диссонанса и протеста по поводу чужеродности проводимых преобразований. Кроме того, реформы поддерживал и сам император,⁴⁶ что по-прежнему очень важным для японцев.

С этого времени он начинает делать ставку исключительно на армию⁴⁷ и в 1968 году на свои деньги основывает Татэ-но кай — «Общество щита»,⁴⁸ радикальную полувоенную организацию, где обучали молодых людей обращению с оружием, национальным видам борьбы, а также изучали древнюю и новую самурайскую литературу. Однако японская армия была уже психологически другой, нежели во времена Мейдзи, чего Мисима, по-видимому, не учел или не хотел учитывать. Выразив все свои идеи и мысли в знаменитой тетралогии «Море изобилия», в 1970 году на отчаянный шаг — революционный захват власти. Попытавшись склонить гарнизон военной базы Итигая к захвату власти в стране, Мисима терпит неудачу и вместе со своими соратниками совершает ритуальный обряд самоубийства — сэппуке. Будучи в конце жизни трагической фигурой, Юкио Мисима стал одним из символов противостояния модернизации. Двумя годами позже совершил

⁴⁵ Во многом автобиографический роман.

⁴⁶ Скорее всего, в обмен на сохранение урезанных полномочий.

⁴⁷ По его мнению, именно военные Японии более всего пострадали от социально-экономических реформ. И это была правда: армия была полностью демобилизована, офицерский корпус подвергся судебным преследованиям и люстрации.

⁴⁸ Создавалась при содействии националистического журнала «Спор». Позже он разорвал с ним отношения.

самоубийство⁴⁹ Ясунари Кавабата. Так закончилась яркая глава в истории Японских традиционалистов.

Однако смерть Мисимы все же имела свой резонанс, выразившийся в 1960–70-е годы в возрождении интереса японцев к своей культуре. Начался процесс симбиоза традиционно японских культурных кодов и западных, результатом чего и стала современная Япония. Роль интеллектуалов в модернизации Японии была очень заметной даже на фоне Западной Европы и США. Хотя общество здесь было более инертным, но свое веское слово сказали интеллектуалы-авторы, оказавшие огромное влияние на социально-экономические процессы в стране.

Роль интеллектуалов в Польше

Интеллектуалы это прежде всего западноевропейский феномен, и даже в Японии он проявился под воздействием внешних модернизационных идей, исходящих главным образом с Запада. Поэтому любопытно посмотреть, как проявляли себя интеллектуалы в относительно закрытых системах. Модельной страной с этой точки зрения является Польша. Однако прежде чем рассматривать данный вопрос, необходимо отметить специфику развития социальной элиты в Польше.

Появление

Появление интеллектуалов в Польше относится ко второй половине XX века, когда страна находилась в социалистическом лагере. Именно процесс изменения польской социально-политической и экономической системы этого периода был тем внешним воздействием, приведшим к выделению из среды интеллигенции категории интеллектуалов. В отличие от Франции и Японии, в Польше не было преобладания интеллектуалов-авторов. Однако несмотря на то что их было мало, польские интеллектуалы сыграли значимую роль в процессе модернизации страны.

Примерно в 1930-е годы в Польше уже сложились основные предпосылки к появлению интеллектуалов. Здесь прослеживается прямая параллель с Францией, поскольку наблюдается похожая конфигурация. Существовали две идеологические базы, так или иначе способствовавшие появлению интеллектуалов, — это либералы и националисты. Однако если до оккупации Польши нацистами эти ветви конфликтовали, что было логично, то после установления в стране социализма противоречия были уже не так сильны. В отличие от

⁴⁹ Отравление угарным газом.

классической модели взаимодействия интеллектуалов с властью и обществом в Польше этот процесс происходил иначе. В этот период главную роль в стране играла интеллигенция, для которой здесь существовал один основной раздражитель — польский социализм и реформы, связанные с ним. Интеллигенты-либералы считали, что социалистическая Польша отдаляется от Западной Европы. Их идею можно сформулировать как «независимая Польша — часть западного мира». Интеллигенты-националисты исходили из позиции возвращения утраченных земель (Западная Украина), прекращения советской оккупации страны. Любые реформы они воспринимали как модернизацию Польши. В этом они сходились с либералами.⁵⁰ Надежды националистических кругов польской интеллигенции связывались с лидером Польской рабочей партии (ПОРП) Владиславом Гомулкой. Будучи главой польской рабочей партии с 1943 по 1948 год, он зарекомендовал себя как националист, и, более того, именно при нем польское сельское хозяйство сохранило капиталистические черты. Разумеется, его поддерживали интеллектуалы-националисты, ожидая, что под его руководством будет поставлен фильтр, который не позволит Москве провести наиболее радикальные реформы. Однако в 1948 году Гомулку и его окружение обвинили в правом националистическом уклонизме и арестовали. Это был удар по правым интеллектуалам.

Эффект 1956: оформление протеста

Как отмечают ряд исследователей, экономика Польши в 1950-е годы не носила чисто социалистического характера. «Крупная и средняя промышленность стала социалистической, но сельское хозяйство, торговля, малые предприятия в промышленности и строительстве продолжали функционировать на рыночной основе».⁵¹ Тем не менее следствием именно такой политики стали волнения рабочих 1956 года в Познани, жестко подавленные властью. В результате партийное руководство сменилось и к власти вновь пришел Владислав Гомулка, за которым стояли интеллектуалы-националисты. Он сумел успокоить рабочих и приобрел авторитет у поляков как сторонник суверенитета.⁵² Волнения были обусловлены множеством факторов, глав-

⁵⁰ Понятие «польский либерал» в данном случае надо рассматривать в контексте политической системы страны, носившей социалистический характер. В такой ситуации любая критика социалистического строя была либеральной. Большое количество интеллектуалов вначале были по своим взглядам социалистами-антикоммунистами.

⁵¹ *Травин Д., Маргания О.* Европейская модернизация. М., 2004. С. 326.

⁵² Интересна в связи с этими событиями спокойная реакция Москвы, несмотря на фактическое изгнание из страны К. Рокоссовского, занимавшего пост военного министра.

ным из которых явился протест против социалистического аспекта экономических преобразований в стране. Гомулка практически сразу выдвинул тезис о строительстве так называемого восточноевропейского социализма.⁵³ Интересно, что тезис этот был поддержан и многими либералами, поскольку идея демократического социализма была крайне популярна среди них. Главной силой, поддержавшей Гомулку, были рабочие советы, фактически и стоявшие за протестами 1956 года. Однако уже через некоторое время эти советы «будут лишены всех недолгое время имевшихся у них прав и выстроены в единую, подчиненную властям организацию».⁵⁴

«Польский Октябрь» привел к появлению новой категории интеллектуалов — так называемых либералов-католиков. Католическая церковь в Польше после 1956 года стала еще более влиятельной. Именно после 1950-го появилось то поколение интеллектуалов в широком смысле, которое и оказало решающее влияние на дальнейшую судьбу страны.

Основных причин политических изменений в Польше 1960-х годов две: во-первых, это мощное диссидентское движение, начавшее развиваться в послевоенный период и пользовавшееся активной поддержкой рабочего класса, что немаловажно, поскольку в России между этими категориями существовал известный антагонизм. В этом Польша была ближе к Франции, поскольку также имела крупную потенциальную базу протеста. Во-вторых, это мощное воздействие католичества, что оказывало гуманистическое воздействие на интеллектуалов, не допуская чрезмерной радикализации.

Начиная с 1960-х годов активную роль стал играть так называемый «командос» (или «группа Михника») — группа интеллектуалов, сформировавшаяся вокруг известного журналиста и диссидента Адама Михника. В него входили Барбара Торуньчик, Ян Гросс, Северин Блумштайн, Ева Зажицкая, Ян Кофман и многие другие ученые, профессора, писатели, занимавшие активную гражданскую позицию.⁵⁵ Именно из среды этих интеллигентно-диссидентов и вышли интеллектуалы. Они активно обсуждали социально-экономические и политические проблемы в нескольких дискуссионных клубах, таких, например, как знаменитый «Клуб кривого колеса» и «Клуб искателей противоречий». До 1966 года «группа Михника» оставалась закрытой структурой, но волнения 1968 года превратили ее членов в публичных интеллектуалов. Отдельного слова заслуживает знаменитое «Открытое письмо к членам ПОРП» Яцека Короня и Кароля Мадзелевского — блестящая критика советского строя с точки зрения марксизма. Главным посылом письма был тезис об освобождении рабочего класса всего социалистического лагеря.

⁵³ Социализм «с человеческим лицом».

⁵⁴ *Травин Д., Маргания О.* Европейская модернизация. С. 342.

⁵⁵ *Frizke A.* Десант Коммандос // *Poradnik Historyczny.* 2008.

Параллельно с этим в 1965 году начинает действовать студенческий дискуссионный клуб «Новые формы», в котором читались лекции и проходили дискуссии по политическим проблемам страны. В дискуссиях участвовала и «группа Михника». В среде таких групп активно обсуждалось политическое и экономическое положение страны. Большинство интеллектуалов склонялись к тому, что экономические реформы в Польше не эффективны, поскольку навязываются Москвой.

В марте 1968 года происходит новый всплеск протестов в стране, главной силой которого на этот раз было студенчество. Поводом для волнений стало январское запрещение постановки поэмы Адама Мицкевича «Дзяды», в которой власти чувствовали антироссийские настроения. Студенты подали в Сейм многотысячную петицию. Власти очень боялись народных волнений и того, что к студентам присоединятся профсоюзы и рабочие. События марта 1968 года стали ареной борьбы интеллектуальных группировок. Начавшиеся беспорядки всерьез обеспокоили Гомулку и приближенных к нему интеллектуалов-националистов. Надо сказать, что значительная часть общества симпатизировала именно этой группировке, поэтому была разыграна антисемитская карта. В одночасье появилась масса листовок и газетных статей с обвинением во всех бедах евреев и поддерживавших их либеральных интеллектуалов. Сам Гомулка выступил с речью против «израильской агрессии» и ее поддержки в среде польских интеллектуалов. Все эти события спровоцировали массовый отъезд еврейской интеллигенции из страны. Под пресс попали многие интеллектуалы. Среди них можно особо отметить известного писателя Павла Ясеницу, который умер в 1970 году. Одной из причин его смерти стала травля со стороны властей, поскольку Ясеница активно поддерживал бунт студентов университета Варшавы.

Что касается интеллектуалов-авторов, то здесь наиболее яркой фигурой начиная с 1960-х годов и до наших дней остается выдающийся польский кинорежиссер Анджей Вайда — ярый критик социализма и польских экономических преобразований. Его политизированные фильмы «Человек из Железа», «Без Анестезии» и, разумеется, «Дантон» отражали переживания режиссера и воспринимались зрителями как картины об их стране. Второй интеллектуал-автор конца 1960-х — Станислав Лем, также активно выступавший против социалистического строя Польши. Как и Вайда, он многое выражал через свои произведения.

Кризис социализма — расцвет интеллектуалов

К концу 1970-х годов Польша была экономически очень слаба. Нефтяной кризис 1974 года показал всю иллюзорную стабильность как «Большого брата», так и стран Варшавского договора. Валютная задолженность Западу

увеличивалась, что подтверждало: Польша одной из первых ощущает на себе кризис социализма. Заметное ускорение темпов инфляции наметилось летом 1980 года. Оно было вызвано как увеличением зарплаты, так и общим углублением экономического кризиса.

Окончательный сдвиг к дестабилизации в экономической и политической жизни произошел уже в 1980-е годы. «К этому времени польский рабочий класс благодаря экономической политике 70-х гг. стал достаточно многочисленным. Он обрел уверенность в успехе забастовочного движения благодаря стачкам 1970 и 1976 г.»⁵⁶ Популярность «Солиарности» к этому времени огромна, членами движения становятся около 10 млн человек. Политическое и партийное руководство во главе с Иозефом Пинтовским и Станиславом Каней уже не способно было взять ситуацию под контроль. В 1980 году, после ряда протестов и беспорядков, вызванных экономическими трудностями,⁵⁷ профсоюз «Солидарность» наконец добился легализации. Лидер бастующих в Гданьске — Лех Валенса подписал соглашение с правительством, по которому предусматривалось создание свободных профсоюзов, а также освобождение политических заключенных. За «Солидарностью» стояли интеллектуалы-либералы и интеллектуалы-католики,⁵⁸ которые и занимались артикуляцией требований профсоюзного движения. В частности, группа Михника (который с 1980 года являлся членом Комитета общественной самозащиты (КОР) и «Солидарности») сыграла существенную роль в протестах рабочих этого периода. Выдвинутая программа самоуправляющейся Речи Посполитой всерьез обеспокоила Москву. Следует отметить, что внутри и вокруг «Солидарности» существовало два крыла интеллектуалов — умеренных либералов-социалистов, выступавших за реформирование страны в рамках существующей системы. Так, характерна достаточно тесная связь «Солидарности» с ПОРП. Другая группировка — либералы-демократы — выступала за строительство в Польше капиталистической системы.

Ситуация в стране в корне изменилась, после того как в 1981 году генерал Войцех Ярузельский сменил Йозефа Пинтовского на посту премьер-министра Польши. Вскоре после этого, поддержанный «Военным Советом национального спасения»,⁵⁹ Ярузельский вводит в Польше военное положение и, со-

⁵⁶ *Травин Д., Маргания О.* Европейская модернизация. С. 350.

⁵⁷ В июле наблюдался рост цен на мясо, ставший поводом для беспорядков в промышленно развитых районах страны. Экстренное увеличение зарплаты, смогло разрядить ситуацию. Но уже в августе снова беспорядки

⁵⁸ Выделившиеся после 56 года, эта группа среди интеллектуалов либералов начинает играть существенную роль. В особенности это проявилось после избрания в 1978 году Папой Римским Кароля Вайтылы, известного в дальнейшем как Иоанн Павел II.

⁵⁹ 20 высокопоставленных армейских офицеров и один адмирал.

гласно новому законодательству, деятельность «Солидарности» запрещается. Это решение всколыхнуло польское общество. Папа Римский Иоанн Павел II сыграл одну из важнейших ролей по влиянию на польское общество в период модернизационных преобразований после 1980 года. В своих трудах и публичных выступлениях он не раз так или иначе критиковал польскую социалистическую систему.⁶⁰ Косвенным образом он поддерживал «Солидарность» и ее роль в социально-экономической модернизации Польши. В 1983 году он участвовал в переговорах с Валенсой и Ярузельским. Определенные надежды интеллектуалам внушал тот факт, что изменения, начавшиеся в этот момент в Польше, все же носили модернизационный характер. Сосредоточивший в своих руках всю полноту власти генерал Ярузельский начал решительные экономические реформы, однако их нельзя было назвать реакционными. Напротив, усиление самостоятельности государственных предприятий посредством развития рабочего самоуправления, отказ от системы централизованного планирования и сохранение ведущей роли государства в распределении лишь ограниченной части продукции⁶¹ можно было назвать попыткой, с одной стороны, социальной напряженности, а с другой — преодолеть экономические трудности 1980-х годов. Несмотря на относительную либерализацию в экономике, политическая система была серьезно ужесточена, множество членов «Солидарности» и КОР арестованы. Апогеем стало убийство спецслужбами видного интеллектуала-священника, ксендза Ежи Пепелюшко,⁶² — событие, после которого социалистические идеи в среде интеллектуалов резко начали уступать идеям капиталистической системы и демократии.

Интеллектуалы у власти: благополучие или демократия?

С приходом к власти «Солидарности» и Леха Валенсы встал вопрос о немедленных экономических преобразованиях, поскольку Польша, как и все постсоветские страны, находилась в тяжелой ситуации. Страна пошла по пути урегулирования противоречий между группировками политической и социальной элиты как альтернативы социальной революции. Благодаря этому удалось избежать серьезных проблем в социально-политическом развитии в первые годы реформ. Фактически власть получают интеллектуалы-шестидесятники. Они находились если не на переднем плане политической борьбы, то рядом с правящей элитой.

⁶⁰ Можно вспомнить знаменитую энциклику 1982 года «Занимаясь трудом».

⁶¹ Цит. по: *Травин Д., Маргания О.* Европейская модернизация.

⁶² Капеллан профобъединения «Солидарность» Попелюшко, Призывал к борьбе с коммунистическим правительством Польши.

Реформировать экономику страны было поручено Лешеку Бальцеровичу, чья кандидатура не вызывала возражений и в среде интеллектуалов. Не будучи в чистом виде публичным интеллектуалом, Бальцерович стал символом их стремления перехода к рынку. В основании экономической модернизации в Польше лежали три кита: изменение структуры собственности, монополизация экономики и полное введение рыночных механизмов. Именно за эти меры выступало большинство интеллектуалов, связанных с «Солидарностью». Несмотря на то что «План Бальцеровича» был успешен, уже в 1991 году новое правительство было сформировано без него. Встав на рельсы капиталистического развития, Польша без серьезных проблем стала развивать свою экономику.

Принято выделять три фазы социальных и политических изменений в Восточной и Центральной Европе: переход, преобразование и консолидацию. Под «Переходом» подразумевается относительно краткий период между двумя режимами, когда стратегические выборы сделаны. Под «Преобразованием» — процессы выполнения уже реализованных решений, т. е. практические процессы обкатки демократии и рыночной экономики. И наконец, «Консолидация» обращается к стабилизации нового режима.⁶³

На наш взгляд, основное отличие Польских экономических преобразований от того, что происходило в России в 1990-е годы, кроется не в экономике, а в общественном сознании. Польское общество в постсоветский период оказалось подготовлено интеллектуалами к «шоковой терапии», и к периоду «Перехода», а российское — нет. Почему в России этого не произошло — отдельный вопрос. Но в Польше понимали, что «демократическое правительство не может решить всех вопросов и ценно скорее своей природой, чем результатами деятельности, которые необязательно оказываются во всех отношениях лучше, чем при нелиберальном правлении».⁶⁴ Именно в этом заключается тот вклад, который привнесла интеллектуальная элита на новом этапе развития Польши. Что касается дальнейшего развития интеллектуалов в стране, то после того как Александр Квасневский в 1998 году подписал закон о люстрации, их активность заметно уменьшилась. А Польше за сравнительно небольшой промежуток времени удалось пройти все три стадии, приблизившись в своем развитии к странам Западной Европы. Однако мечта интеллектуалов-либералов еще не достигнута, и они по-прежнему играют важную роль в социально-политической системе страны.

⁶³ *Wasilewski J.* Three Elites of the Central-East European Democratization // R. Markowski, E. Wnuk-Lipinski (eds). *Transformation Paths in Central and Eastern Europe.* Warsaw: Friedrich Ebert Stiftung, 2001. P. 17.

⁶⁴ *Эрме Г.* Культура и демократия. М., 1992. С. 25.

Заключение

Следует подчеркнуть, что воздействие интеллектуалов на власть в период модернизации было очень мощным во всех трех странах. Роль интеллектуалов-авторов во Франции и Японии огромна, именно они артикулировали и наполняли смыслом социальное недовольство. Во Франции без Сартра, Лакана, Делёза и других авторов, скорее всего, не было бы мая 1968 года. А в Японии социально-политические изменения начиная с конца XIX века собственно и стали причиной появления интеллектуалов-авторов. С этого момента они так или иначе влияли на все процессы, протекавшие в стране. Для Польши характерна иная ситуация. В чистом виде авторы здесь практически не встречались, и роль медиатора взяла на себя категория публичных интеллектуалов, оказавших решающее воздействие на социально-политические процессы в стране. Таким образом, можно утверждать, что интеллектуалы играли и играют важную роль в процессе модернизации стран с различными экономическими, культурными и социально-политическими особенностями развития.

Литература

- Делёз Ж.* Алфавит. Минск, 2001. (Совместно с Клер Парне).
- Молодяков В.Я.* Консервативная революция в Японии: идеология и политика. М.: Восточная литература, 1999.
- Сартр Ж.П.* Свободное сознание и XX век. М., 2004.
- Травин Д., Маргания О.* Европейская модернизация. М., 2004.
- Фуко М.* Интеллектуалы и власть. М., 2002.
- Шарль К.* Интеллектуалы во Франции: Вторая половина XIX века. М., 2005.
- Эрме Г.* Культура и демократия. М., 1992.
- Almond G.A., Coleman J.S.* (eds). The Politics of the Developing Areas. Princeton: Princeton University Press, 1960.
- Bauman Z.* Legislators and Interpreters: On Modernity, Post-Modernity and Intellectuals. Cambridge: Polity Press, 1987.
- Dobbins J.* Nation-Building: the Inescapable Responsibility of the World's Only Superpower // RAND, Review. Summer, 2003.
- Frizke A.* Десант Коммандос // *Poradnik Historyczny*. 2008.
- Lerner D.* The Passing of Traditional Society: Modernizing the Middle East. New York; London, 1965. P. VIII.
- Lipset S., Dobson R.B.* The intellectual as critic and rebel // *Daedalus*. 1972. Vol. 101. P. 137–198.
- Wasilewski J.* Three Elites of the Central-East European Democratization // R. Markowski, E. Wnuk-Lipinski (eds). Transformation Paths in Central and Eastern Europe. Warsaw: Friedrich Ebert Stiftung, 2001.

Александр Балаян

**Роль интеллектуалов в процессе модернизации
Франции, Японии и Польши**
Препринт М-07/09

В авторской редакции

Корректор — Е.И. Васьковская

Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге
191187, Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, 3
books@eu.spb.ru

Подписано в печать 22.06.09
Формат 60x88 1/16. Тираж 50 экз.

Препринты Центра исследований модернизации

М-01/08

Владимир Гельман

Динамика субнационального авторитаризма:
Россия в сравнительной перспективе

М-02/09

Андрей Стародубцев

Политическая лояльность или экономическая эффективность?
Политические и социально-экономические факторы распределения
межбюджетных трансфертов в России

М-03/09

Дмитрий Травин

Модернизация общества и восточная угроза России

М-04/09

Андрей Заостровцев

Модернизация и институты: подходы к количественному измерению

М-05/09

Анна Тарасенко

Инкорпорирование групп интересов в процесс принятия решений
как фактор модернизации в России

М-06/09

Алексей Гилев

Политические трансформации на постсоветском пространстве:
Do revolutions matter?

М-07/09

Александр Балаян

Роль интеллектуалов в процессе модернизации Франции,
Японии и Польши

**Центр исследований модернизации
Европейского университета в Санкт-Петербурге**

Центр создан в августе 2008 года в целях развития междисциплинарных сравнительных социальных, экономических и политических исследований. Задачами М-Центра являются реализация научно-исследовательских программ и проектов по направлениям его работы, создание и поддержание интенсивной и эффективной коммуникативной научной среды, содействие подготовке и повышению квалификации молодых ученых, подготовка и распространение научно-исследовательских и экспертных публикаций, ориентированных на научное сообщество и на широкую общественность.

В составе М-Центра работают специалисты,
участвовавшие в подготовке коллективных монографий:

Травин Д., Маргания О. **ЕВРОПЕЙСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ**
в 2 кн. М.; СПб.: АСТ, Terra Fantastica, 2004.

Маргания О., ред. **СССР ПОСЛЕ РАСПАДА**
СПб.: «Экономическая школа» ГУ ВШЭ, 2007.

Добронравин Н., Маргания О., ред. **НЕФТЬ, ГАЗ, МОДЕРНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА**
СПб.: «Экономическая школа» ГУ ВШЭ, 2008.

Президент М-Центра — кандидат экономических наук **О.Л. Маргания**
Научный руководитель М-Центра — кандидат экономических наук **Д.Я. Травин**
Исполнительный директор М-Центра — кандидат политических наук **В.Я. Гельман**